

Сергей Цветков

Сотворение мифа



ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 087
ББК 74
Ц27

Цветков С. Э.

Сотворение мифа / Цветков С. Э. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 332 с.

ISBN 978-5-532-93894-6

В настоящее время «Сотворение мифа» — это единственная книга, которая в популярном стиле и доступным языком знакомит читателя с проблемами становления русской историографии, рисует портреты первых российских учёных-историков и разворачивает полную картину зарождения норманнизма в Швеции и его последующего укоренения на русской почве. Книга содержит очерк древней русской истории, написанный с позиций современного исторического знания. Библиографический список состоит из 100 изданий. Написана честно. Надеюсь на ваш читательский интерес.

ISBN 978-5-532-93894-6

© Цветков С. Э., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть первая	4
Опасное плавание	4
Викинги старые и новые	23
От готов – к варягам	44
Готлиб Зигфрид Байер	64
Часть вторая	91
Переодетый маркиз	91
Московские Геродоты	103
Василий Никитич Татищев	122
Русский исток	138
Часть третья	161
Единственный	161
Герард Фридрих Миллер	171
Первые князья Русской земли	197
Полёт вендского сокола	215
Часть четвёртая	227
Служба в Академии	227
Своим путём	258
Варяжские гости	266
Часть пятая	277
Гёттингенский профессор	277
На «Восточном пути»	300
Летописец	306
Послесловие	323
Список литературы	325

Часть первая

Опасное плавание

Вечером 21 сентября 1761 года из порта Травемюнде вышла в море выдававшая виды шхуна. Целью плавания был Петербург – торговая Мекка европейских негоциантов в самом дальнем углу Балтийского моря. Судно зафрахтовал один из купеческих домов Любека, имевший контору в русской столице.

Кроме команды, на борту находилось тринадцать пассажиров, и среди них молодой человек лет двадцати семи, по виду из учёных господ, но в наброшенном на плечи бараньим тулупе, обшитом грубой материей (красная цена такому на любекском рынке – четыре-пять рейхсталеров). В пассажирском списке он значился под именем Августа Шлёцера, магистра Гёттингенского университета. Восемнадцатью годами позже неизвестный художник снимет с него портрет – узкое лицо с длинным, выступающим вперёд подбородком, упрямый изгиб плотно сомкнутых губ, цепкий взгляд тёмных глаз из-под сросшихся собольих бровей. Вероятно, и в молодости он производил впечатление целеустремлённой натуры.

Это было его третье морское путешествие, которое едва не стало для него роковым.

Август Людвиг Шлёцер появился на свет 5 июля 1735 года в местечке Гагштадт, близ Кирхберга¹ (графство Гогенлоэ-Кирхберг на юго-западе Германии). Родители его принадлежали к духовному сословию. Отец, Иоганн Георг Фридрих, был потомственный лютеранский священник. Мать, София Катерина, происходила из семьи сельского пастора.

Месяц спустя, под жарким августовским солнцем, мимо Гагштадта устало промарширует двадцатитысячный корпус генерала Петра Ласси, посланный государыней Анной Иоанновной на

¹ Современный Кирхберг-ан-дер-Ягст (Кирхберг-на-Ягсте).

помощь австрийской армии, действующей на Рейне против французов. Впервые русский солдат протопает насквозь всю Европу. Звуками полковых труб и барабанов Россия обозначит своё, пока ещё незримое, присутствие в жизни Шлёцера.

Ещё через три года в Кирхберге начнётся перестройка в стиле барокко средневекового графского замка, которая растянется на четверть века. Увидеть её окончание Шлёцеру не придётся. Когда ему исполнится пять лет, умрёт его отец, и маленький Август навсегда покинет родные места.

Осиротевшего ребёнка поначалу пристроят в дом его деда по матери, пастора Гайгольда. У этого семидесятидвухлетнего старца ещё останется сил, чтобы взять на себя руководство воспитанием внука. Читая и разъясняя мальчику Библию, он пробудит в нём будущую страсть – изучать и толковать слова, а познакомив с начатками латыни, положит начало его полиглотству.

Дедовы уроки помогут Августу поступить в школу в Лангебурге. Однажды, получив от десятилетнего внука письмо, написанное на безупречной латыни, пастор Гайгольд похлопочет о его переводе в латинскую гимназию в Вертхайме, где начальствует Иоганн Кристоф Шульц, женатый на старшей сестре Софии Катерины. Дом Шульца станет пристанищем Августа Шлёцера на следующие шесть лет.

К тому времени Шлёцер чувствует себя уже настолько самостоятельным, что решительно отказывается от роли малолетнего сироты-иждивенца. Его учёности хватает на то, чтобы зарабатывать на жизнь уроками латинского. Шульц расширяет эрудицию племянника, занимаясь с ним библеистикой и ещё тремя языками – греческим, еврейским и французским.

Взрослые удивляются тому, какими голодными глазами мальчик смотрит на книги. И хотя в дядином доме имеется превосходная библиотека, он со своих скромных учительских заработков прикупает дешёвые издания Эльзевиров и поглощает их днём и ночью, словно никак не может насытиться чтением. Не пройдёт и двух лет, как запойные штудии «карманных» томиков с мелким шрифтом водрузят на его детский нос толстые стёкла очков.

С особенной силой воображение юного книгочея будоражат книги о путешествиях и путешественниках – людях, которые подарили громадному театру человеческой истории новые подмостки размером в десятки и сотни тысяч миль. Термин «робинзоада» уже в ходу, и Шлёцер с упоением набрасывается на приключения всех Робинзонов, каких только может достать, старых и новых, умных и глупых, вымышленных и существовавших на самом деле. К его услугам около полусотни подобных изданий только на немецком языке.

Не заблудиться в дебрях экзотических названий стран, морей, рек и городов Шлёцеру помогает книга Иоганна Гюбнера «Земноводного круга краткое описание из старой и новой географии» (1693) – лучший учебник географии того времени, переведённый на все европейские языки. Возможно, во время чтения о приключениях Робинзона в России через его руки прошёл и своеобразный путеводитель «Россия или Московия, а также Тартария с топографическим и политическим комментарием» (1630).

1751 год приводит шестнадцатилетнего Шлёцера под своды университета в Виттенберге. Он определяется на богословский факультет, так как родня прочит ему духовную карьеру, но после защиты тремя годами спустя диссертации *De vita Dei* («О жизни Бога») теряет всякий интерес к богословию и церковной жизни. Им овладевает жажда научных знаний – о религии, истории, географии, филологии, обществе, народах. Чутьё подсказывает ему, что за последним словом науки следует обращаться в Гёттингенский университет, и Шлёцер переводится туда.

Гёттинген расположился посреди живописной долины, окаймлённой зелёными отрогами Гарца, в окружении шести десятков сёл и местечек. Воды местной реки Лайне, как считалось, оказывали оздоравливающее действие при «каменной болезни» (отложениях камней в желчном пузыре).

Небольшой город (полмили в окружности) утопает в садах. Широкие улицы выстланы камнем и обведены по краям тротуарами. Домовладельцы тщательно следят за внешним видом зданий, опрятностью и чистотой помещений, поскольку большинство жителей

получают доход от сдачи комнат внаём десяткам профессоров и сотням студентов, среди которых встречаются весьма знатные особы.

Гёттингенский университет² всего на год старше своего новоиспечённого студента, однако слава о нём уже гремит по всей Германии. Здесь царит свобода преподавания, по английскому образцу, то есть без богословской цензуры, что привлекает в Гёттинген лучших профессоров. Иоганн Лоренц читает курс прагматической церковной истории, Иоганн Матиас Геснер – классическую филологию.

Но подлинного любимца студенческой братии зовут Иоганн Давид Михаэлис. Он – знаток еврейских древностей, библейской экзегетики и восточных языков, автор первого научного комментария к Ветхому Завету. Впоследствии его признают основателем новой школы исторической критики. Для лучшего понимания смысла письменных памятников он требует их всестороннего изучения. Его метод таков: следует тщательно перебрать текст слово за словом подобно тому, как хозяйка перебирает горку горошин; уяснив точный смысл каждого слова, необходимо сравнить его с похожими словами в родственных языках, после чего изучить исторический быт народа, из чьей среды вышел памятник, и сопоставить его с обиходом современного Востока, причём историко-критический анализ текста необходимо подкрепить данными медицины, естественных и других наук.

При таком подходе казалось, что древний памятник оживает и начинает говорить на своём подлинном языке, бросая истинный свет на исторические эпохи, доселе скрытые за плотной завесой неизвестных или ложно понятых слов.

Михаэлис обаятелен и молод. Ему тридцать четыре года – как раз столько, чтобы между ним и юным Шлёцером ещё могла возникнуть духовная привязанность. С радостью мастера, обрётшего настоящего ученика, он занимается огранкой его интеллекта и указывает цель, с высоты которой жизнь способна приобрести очерта-

² Основатель этого учебного заведения, ганноверский министр барон Герлах Адольф фон Мюнхгаузен (1688—1770), приходился двоюродным братом знаменитому барону-рассказчику.

ния судьбы. Встречу с Михаэлисом Шлёцер впоследствии считал истинным счастьем, неожиданным подарком providения.

О providении он мыслит отнюдь не абстрактно. В Гёттингене его захватывает чувство предуготованности к великому свершению. Под влиянием Михаэлиса юношеское увлечение романтикой страстей преобразуется в замысел большого путешествия на Ближний Восток, которое должно стать фундаментом для подлинно научного изучения Библии. Шлёцер смотрит на эту поездку как на высшее служение и окончательно отказывается от церковной карьеры. «Прежде, – пишет он матери о своём решении, – действительно не о чем было больше думать; но потом я сам заметил в себе божественное призвание, влекущее моё сердце к предметам высшим. Я принял намерение совершить далёкое и дорогостоящее путешествие, и в доказательство, что это намерение есть действительно божественное призвание, Providение указало мне пути, которые пред глазами всех людей таинственны и совершенно неожиданны. На таком-то пути я нахожусь теперь, и дело, которым я занимаюсь, есть Божие дело. Кто хочет мешать этому делу намеренно, из своекорыстных целей, тому я буду противиться во имя Бога, меня призывающего; кто же будет мешать моему делу по неведению, о том я сожалею и молю Всевышнего, да отпустит ему грех его».

Шлёцер понимает, что для осуществления задуманного нужна основательная подготовка. Прежде всего он налегает на арабский язык и всего за год овладевает им настолько, что с успехом заменяет студентам Михаэлиса во время его болезни.

Но главная забота – деньги. У юного Гёттингенского дарования нет ни знакомств, ни научного имени, а значит, нет и желающих покрыть расходы на дорогостоящую экспедицию. Приходится рассчитывать только на собственные силы. И Шлёцер начинает сколачивать необходимый для поездки капитал.

У него нет другого пути, кроме как подороже продать товар, который в избытке хранится в его голове – знания. В 1755 году по рекомендации Михаэлиса он получает место домашнего учителя в Стокгольме и договаривается с владельцем одной газеты за 25 талеров в год поставлять оттуда новости. Из Стокгольма, как только представ-

ляется случай, Шлёцер перебирается в Упсалу, где в свободные часы посещает местный университет – старейшее учебное заведение в Швеции, предмет особого попечения шведских королей. В переполненной аудитории он слушает лекции профессора ботаники и медицины Карла Линнея и неизменно старается попасть в число двух сотен слушателей, которые сопровождают великого учёного на экскурсиях по Ботаническому саду.

Свои досуги Шлёцер отдаёт университетской библиотеке. Там, среди двухсот тысяч книг и манускриптов хранится драгоценный *Codex argenteus* («Серебряный кодекс») остготского короля Теодориха Великого – Евангелие VI века на готском языке, написанное на пурпурном пергаменте серебряными (и отчасти, золотыми) чернилами. Буквы прописаны настолько искусно и резко, что профессор филологии Юхан Ире уверяет всех, будто их впечатывали в пергамент подогретым металлическим шрифтом. Увлечённый его лекциями, Шлёцер не упускает случая выучить наряду со шведским ещё и готский язык, для чего внимательно штудировал свежее издание *Codex argenteus* 1750 года.

Эти занятия пробуждают в нём интерес к древней истории Швеции, которая, по воззрениям шведских учёных, признавалась родной готов.

Окрестности Упсалы дышат незапамятной стариной. Всего в четырёх километрах от города находится деревня Старая Упсала – первая столица сеев, резиденция конунгов из династии Инглингов, возводивших своё родословие к легендарным временам. Три огромных могильных кургана напоминают об их былой славе. Старинные хроники сохранили жуткие подробности местного религиозного культа. По свидетельству Адама Бременского, ещё при его жизни³ в древней Упсале существовал золотой храм, в котором стояли идолы трёх божественных Асов – Тора, Одина и Фрейра. Чтить их полагалось посредством кровавых треб. В священной роще, непо-

³ «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» написаны Адамом Бременским между 1072 и 1076 годами.

далёку, на деревьях были развешаны тела принесённых в жертву собак, лошадей и людей.

Ранняя история свеев к тому времени была наиболее полно представлена в первом томе «Истории шведского государства» (1747) Улофа фон Далина – известного поэта, драматурга, королевского библиотекаря и историографа. Листая этот объёмный фолиант, Шлёцер по касательной знакомится со средневековой русской историей, которая у Далина рисовалась частью истории Швеции. По его утверждению, уже в VIII веке правители Руси «состояли под властью верховных королей Упсальских, от коих они имели происхождение и подпору». Но подлинное слияние двух государств состоялось в 900 году, когда по совету князя Гостомысла на Русь «для взятия наследственных своих земель во владение» был приглашён принц Рюрик (Эрик Биэрнзон), который прибыл в Голмгард / Новгород вместе со своими друзьями или родственниками, Трувором и Синиатгером (Синевом). С их приходом «как бы новый мир воспринял в России своё начало, и в истории сего царства является новый свет. Славяне, составлявшие тогда часть онаго, получили токмо при сем случае и в начале десятого столетия буквы, научились писать, и стали начертывать свои происшествия...». На протяжении нескольких столетий «Гольмгардское государство» состояло «под верховным начальством шведской державы». И только монголы отторгли русский росток от шведских корней, «уничтожили древнюю связь с варягами; помрачили древний блеск, и весь народ преобразили».

Сочинения шведских историков закладывают фундамент исторического образования Шлёцера. Всеобщей истории как предмета в университетских курсах германских университетов не существовало. Образованная Германия всё ещё довольствовалась компендиумами средневековых хроник «от сотворения мира».

Целый год проводит Шлёцер в Упсале, после чего едет обратно в Стокгольм. На этот раз он устраивается секретарём к богатому купцу Зееле, который поручает ему вести деловую переписку с немецкими компаньонами. Работа не слишком обременяет его. Сидя в купеческой конторе, он совершенствуется в арабском языке, учит исландский, финский, польский и пишет свой первый научный